

Юридическая доктрина как средство конструирования правовой реальности

Разуваев Николай Викторович

доктор юридических наук, заведующий кафедрой гражданского и трудового права Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы, Санкт-Петербург
nrasuvaev@yandex.ru

АННОТАЦИЯ

В статье рассматривается проблема правотворческого значения правовой доктрины. По мнению автора, доктрина представляет собой внутренне согласованный сегмент правовой науки, обладающий способностью не только давать общепризнанную в юридическом сообществе интерпретацию правовых феноменов, но и устанавливать обязательные для членов общества модели поведения. Как и правовая наука в целом, доктрина представляет собой совокупность знаковых форм (текстов), посредством которых осуществляется конструирование правовой реальности. В качестве источника права доктрина создает юридические нормы на основе типизации субъективных прав и обязанностей индивидов. Реализация правотворческой функции доктрины осуществляется, по мнению автора, тремя путями, а именно через законотворчество, судебную практику и правоприменительную деятельность юристов-практиков.

Ключевые слова: юридическая наука, доктрина, постклассическая рациональность, постиндустриальное общество, правовая реальность, правотворчество, субъективные права, юридическая практика.

Legal doctrine as a means of constructing legal reality

Razuvaev Nikolay Viktorovich

North-West Institute of Management — branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration Doctor of Law, Head of the Chair of Civil and Labor Law, Saint-Petersburg
nrasuvaev@yandex.ru

ABSTRACT

The article deals with the problem of the law-making meaning of legal doctrine. According to the author, the doctrine is an internally coherent segment of juridical science, with the ability to not only provide the juridical community generally accepted interpretation of legal phenomena, but also to establish mandatory for members Society of behavior patterns. As the legal science in General, the doctrine is a collection of semiotic forms (texts), which construct the juridical reality. As a source of law doctrine creates legal rules on the basis of typification of subjective rights and responsibilities of individuals. Implementation of regulatory functions is carried out by doctrine, according to the author, in three ways, namely, through legislation, jurisprudence and law enforcement practitioners.

Keywords: juridical science, doctrine, post-classical rationality, postindustrial society, the juridical reality, rulemaking, subjective rights, law practice.

Новый журнал, первый номер которого представлен на суд широкой юридической общественности, призван удовлетворить растущую потребность в активизации правовых исследований, а также ознакомить с их результатами заинтересованных лиц, включая ученых, юристов-практиков, преподавателей высшей школы и обучающихся. Эта задача приобретает особую актуальность в условиях перехода юридических наук (прежде всего, наук теоретико-правового цикла) к постклассическому идеалу рациональности¹, способствовавшему в свою очередь формированию нового типа правопонимания².

¹ Развернутая характеристика постклассической (постнеклассической) рациональности дана в науковедческих исследованиях М. К. Мамардашвили, В. С. Степина и др. См.: *Степин В. С.* Саморазвивающиеся системы и постнеклассическая рациональность // *Вопросы философии.* 2003. № 8. С. 5–18; *Он же.* Классика, неклассика, постнеклассика: критерии различения // *Постнеклассика: философия, наука, культура* / отв. ред. Л. П. Киященко, В. С. Степин. СПб. : Издат. дом «Миръ», 2009. С. 249–295; *Мамардашвили М. К.* Классический и неклассический идеалы рациональности. СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2010.

² См., в частности: *Поляков А. В.* Постклассическое правоведение и идея коммуникации // *Известия высших учебных заведений. Правоведение.* 2006. № 2 (265). С. 26–43; *Честнов И. Л.* Постклассическая теория права. СПб. : Издат. дом «Алеф-Пресс», 2012; *Разуваев Н. В.* Современная теория права в поисках постклассической парадигмы познания // *Известия высших учебных заведений. Правоведение.* 2014. № 5 (316). С. 136–153; *Постклассическая онтология права: Монография* / под ред. И. Л. Честнова. СПб. : Алетей, 2016 и др.

Необходимой предпосылкой постклассического правопонимания выступает качественная трансформация научно-юридического дискурса, предполагающая радикальный отказ от понятийного аппарата и самого стиля мышления как классического позитивизма, так и «марксистско-ленинской общей теории права»³. На смену им приходит система базовых категорий, сформировавшаяся под определяющим влиянием феноменологии, аналитической философии, постструктурализма и социального конструктивизма, образующих, при всех издержках⁴, идейно-методологический мейн-стрим современного социогуманитарного знания.

На этой основе появляется возможность переосмысления всего комплекса доктринальных представлений о праве, государстве, правовых и социально-политических явлениях на уровне не только общей теории, но и отраслевых юридических дисциплин. Масштабность и значимость данной работы, способной придать импульс развитию юридических исследований в нашей стране, неоднократно отмечались в последние годы. Так, по мнению В. А. Четвернина, последовательность и непротиворечивость трактовок основных юридических категорий способны придать правовой науке недостающую ей системность, устранив разрыв между общей теорией права и теориями среднего уровня, генерируемыми отраслевыми юридическими дисциплинами⁵. Пагубность такого разрыва наглядно проявляет себя в высшем юридическом образовании, способном внушить обучающимся убеждение в заведомом несоответствии «высокой» теории насущным задачам отраслевых юридических исследований, не говоря уже о правоприменительной и иной практической деятельности.

Впрочем, говоря об отраслевых теориях, нельзя не отметить серьезный дефицит научности последних, обусловленный нечеткостью, а подчас и фиктивностью предмета отраслевых исследований, под которым нередко понимают совокупность нормативных правовых актов и содержащихся в них положений, изучать которые, якобы, и должна любая отраслевая наука. Легко заметить, что при таком понимании отраслевое исследование превращается в толкование и комментирование законов, по сути, лишаясь своего научного содержания⁶. В итоге намечается расхождение не только общей теории права с отраслевыми юридическими теориями, но и правовой науки в целом с потребностями практики, пагубное для обеих сторон. Наука, игнорируя запросы практической деятельности, рискует выродиться в схоластику, занятую беспредметными рассуждениями об отвлеченных и не поддающихся верификации сущностях (таких, в частности, как «правовая духовность», «этнонациональный менталитет» и т. п.)⁷. Одновременно практика, не руководствующаяся научными выводами и методологией, зачастую оказывается бессильной ответить на вопросы, которые ставятся перед ней самой жизненной необходимостью.

Со всей наглядностью это проявляется в условиях постсовременного (постиндустриального) общества, для которого характерно беспрецедентное ускорение социальной динамики, способствующее появлению не существовавших ранее отношений и нестандартных жизненных ситуаций⁸. Новизна и неординарность фактов, образующих эмпирическую основу правовой реальности в эпоху постмодерна, требуют от юриста-практика оригинального творческого мышления, способствующего решению задач, имеющих отнюдь не рутинный характер. Нестандартность и творческий характер правового регулирования в постсовременном обществе (плохо согласующиеся с устоявшимися представлениями о «механизме правового регулирования») подчас создает иллюзию сущностной неопределенности самого права⁹.

³ В частности, В. М. Сырых, декларирующий в своих фундаментальных трудах возврат к аутентичному марксизму (см.: *Сырых В. М. Материалистическая теория права: Избранное*. М.: Изд-во РАП, 2011), на деле является создателем неклассической версии материалистического правопонимания, практически свободной от влияния марксистско-ленинской идеологии.

⁴ См.: *Вахштайн В. С.* Курьезы и парадоксы феноменологической интервенции // *Социология власти*. 2014. № 1. С. 5–9.

⁵ См.: Вторые философско-правовые чтения памяти В. С. Нерсисянца (либертарно-юридический проект) // *Ежегодник либертарно-юридической теории*. 2009. № 2. С. 6–8.

⁶ См.: *Белов В. А.* Предметно-методологические проблемы цивилистической науки // *Гражданское право: актуальные проблемы теории и практики* / под общ. ред. В. А. Белова. М.: Юрайт-Издат, 2007. С. 134–135.

⁷ См. в частности: *Байниязов Р. С.* Духовно-культурологический подход к правосознанию и праву // *Новая правовая мысль*. 2003. № 1. С. 2–6; *Мордовцев А. Ю.* Особенности правопонимания в современной России: формирование нового дискурса // *Философия права*. 2011. № 3. С. 13–17; *Гуляихин В. Н.* Правовой менталитет российских граждан // *ВВ. Вопросы права и политики*. 2012. № 4. С. 108–133 и др.

⁸ См. в частности: *Бек У.* Общество риска. На пути к другому модерну. М.: Прогресс-Традиция, 2000. С. 113; *Белл Д.* Грядущее постиндустриальное общество: Опыт социального прогнозирования. М.: Academia, 2004. С. 159–162.

⁹ См.: *Честнов И. Л.* Правовая коммуникация в контексте постклассической эпистемологии // *Известия высших учебных заведений. Правоведение*. 2014. № 5 (316). С. 31–41.

В частности, Дж. Агамбен, говоря об ограниченности возможностей нормативного регулирования в ситуации, когда устойчивые, долговременные и регулярно воспроизводимые социальные связи между членами общества сменяются единичными и уникальными жизненными обстоятельствами, не поддающимися многократному воспроизведению, приходит на этом основании к выводу о «нормальности» для подобных сообществ режима чрезвычайного положения¹⁰. Очевидно, однако, что чрезвычайное положение, разрушая когерентность социального и правового пространства, в долгосрочной перспективе пагубно влияет на динамику человеческого сообщества как саморазвивающейся системы. В любом случае юристу едва ли позволительно игнорировать заведомо неправовой характер чрезвычайщины, построенной на тотальном отрицании человеческой свободы и производных от нее субъективных прав личности.

Вместе с тем имеются основания утверждать, что характер правового регулирования с неизбежностью претерпевает качественные трансформации. Возрастает роль индивидуальной правоприменительной деятельности, предъявляющей повышенные требования к квалификации практикующих юристов. Последние перестают быть простыми проводниками нормативных предписаний, становясь активными творцами правовой реальности. В подобных условиях приобретает особое регулятивное значение юридическая наука, формирующая основу правотворческой и правоприменительной деятельности. Вот почему отнюдь не случайной представляется активизация дискуссий о правовой науке (доктрине) как источнике права вообще и как источнике современного российского права, в частности.

При этом ряд исследователей отрицает смысловое тождество понятий доктрины и юридической науки, полагая, что лишь некоторые научные исследования в правовой сфере имеют доктринальный характер. Так, с точки зрения И. С. Зеленкевич, «наибольший вред признанию правовой доктрины источником права наносит именно слияние понятий “правовая наука” и “правовая доктрина”, употребление их в качестве синонимов... Необходимо четко разграничить данные, несомненно родственные, но все же неидентичные друг другу понятия»¹¹. Таким образом, в отличие от правовой науки в целом, содержательно включающей в себя любые исследования, имеющие целью генерирование новых знаний в соответствующей сфере, доктрина представляет собой совокупность наиболее авторитетных мнений по актуальным вопросам теории и практики, имеющих регулятивное значение и пользующихся всеобщим признанием¹².

Иными словами, доктрина представляет собой внутренне согласованный (консолидированный) сегмент правовой науки, обладающий способностью не только давать общепризнанную в юридическом сообществе интерпретацию правовых феноменов, но и устанавливать для членов общества модели поведения разной степени обязательности — от рекомендуемых до безусловно императивных. Она формируется как конечный итог познавательной деятельности со всеми дискуссиями и противоречиями (в том числе и такими значимыми, как спор о правопонимании), присутствующими на доктринальном уровне уже «в снятом виде». Доктрина и юридическая наука в целом конструируют правовую реальность, которую можно определить как упорядоченное множество юридически релевантных социальных феноменов и связей между ними.

Подобно любому иному региону бытия природы или общества¹³, правовая реальность может рассматриваться в синхронном и в диахронном (историческом) измерениях¹⁴. В первом аспекте она представляет собой результат конструирования, осуществляемого разнообразными средствами, имеющими по преимуществу семиотический характер, во втором — включает в себя эволюционные процессы, приводящие к закономерным трансформациям как самих знаковых систем, так и способов знакового конструирования феноменов реальности. Специфическими знаковыми средствами конструирования правовой реальности выступают юридические ценности (свобода, справедливость, формальное юридическое равенство и другие правовые смыслы), нормы права,

¹⁰ Агамбен Дж. Homo sacer. Чрезвычайное положение. М.: «Европа», 2011. С. 9.

¹¹ Зеленкевич И. С. Правовая доктрина и правовая наука: некоторые аспекты соотношения и использования в качестве источников права // Северо-Восточный научный журнал. 2010. № 2. С. 43.

¹² См.: Бошно С. В. Доктрина как форма и источник права // Журнал российского права. 2003. № 12. С. 72; Пузиков Р. В. Сущность юридической доктрины как источника права // Правовая политика и правовая жизнь. 2003. № 4. С. 137; Зеленкевич И. С. Указ. соч. С. 34–36.

¹³ См.: Гуссерль Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии. М.: Академический Проект, 2009. С. 45; Паткуль А. Б. Понятие региона в феноменологии Э. Гуссерля и М. Хайдеггера // Логос. Философско-литературный журнал. 2010. № 5 (78). С. 78.

¹⁴ См. об этом, в частности: Косериу Э. Синхрония, диахрония и история: проблема языкового изменения. Изд. 3-е. М.: Едиториал УРСС, 2009.

субъективные права и обязанности¹⁵. Важнейшей особенностью перечисленных знаковых средств является их особая релевантность, позволяющая демаркировать феномены правовой реальности от иных проявлений социокультурного семиозиса. Замечая акты фактического поведения членов общества в процессах коммуникации¹⁶, знаки обеспечивают взаимопонимание и согласие индивидов в вопросах права¹⁷, передают информацию о возможном, должном и запрещенном поведении и, в конечном счете, формируют правовую реальность как одно из измерений социума.

Правовая наука, прежде всего, в своих доктринальных проявлениях, выполняет ряд функций, обеспечивающих организацию правовой реальности и ее историческую динамику. Во-первых, она направлена на выявление и описание множества юридически релевантных фактов, образующих эмпирическую основу правовой реальности¹⁸, и их отделение от фактов, не обладающих такой релевантностью (селективная функция). Во-вторых, правовая наука обеспечивает смысловое наполнение феноменов правовой реальности и в конечном итоге формирует смысловую структуру последней (смыслообразующая функция)¹⁹.

В-третьих, в определенных условиях, а именно при отсутствии или слабой развитости позитивного права, доктрина, как правило, осуществляющая одновременно интерпретацию сакральных текстов, оказывается в состоянии его замечать, непосредственно устанавливая правила поведения, легитимированные в подобном случае авторитетом Священного писания, на которое она опирается (прескриптивная функция). Примерами реализации доктриной указанной функции являются религиозные правовые системы.

Известна, в частности, важная нормотворческая роль, которую играла в мусульманском праве VIII–XI вв. правовая наука в целом (иджтихад), особенно согласованное мнение авторитетных юристов (иджма)²⁰, выступавшее «в качестве своеобразного средства, способа восполнения пробелов в мусульманском праве в тех случаях, когда ни Коран, ни Сунна не могут дать убедительного ответа на возникающие вопросы»²¹. И хотя «закрытие врат иджтихада» в XII в. и секуляризация правовых систем исламского мира Нового времени, привели к утрате правовой наукой данной функции, доктрина, по утверждению некоторых исследователей, до сих пор оказывает существенное влияние на законодательство и судебную практику ряда мусульманских стран²².

В-четвертых, описывая юридически релевантные факты, наука одновременно ставит своей целью выявление закономерных причинно-следственных связей между ними, тем самым организуя

¹⁵ См. подробнее: *Разуваев Н. В.* Право: социально-конструктивистский подход // *Известия высших учебных заведений. Правоведение.* 2015. № 5 (322). С. 97–98.

¹⁶ По словам А. В. Полякова, «субъект коммуникации всегда имеет дело с неким текстом, т. е. упорядоченной системой знаков, отсылающих к другой реальности. В этом смысле любая коммуникация всегда опосредуется текстом. Текст есть некая целостная знаковая система, несущая в себе определенный смысл. Социальное всегда опосредуется текстами, это способ существования социального» (*Поляков А. В.* Нормативность правовой коммуникации // *Поляков А. В.* Коммуникативное правопонимание: Избр. труды. СПб.: ИД «Алеф-пресс», 2014. С. 146).

¹⁷ Следует отметить, что коммуникативный подход к пониманию социальной реальности лежит в русле очень давней политико-правовой традиции, родоначальниками которой являлись Аристотель и Цицерон. Как известно, Аристотель определял полис как «своего рода общение» (*Аристотель. Политика* // *Аристотель. Соч.* в 4 т. Т. 4. М.: «Мысль», 1983. С. 376). Согласно же знаменитому определению Цицерона, «государство есть достояние народа, а народ не любое соединение людей, собранных вместе каким бы то ни было образом, а соединение многих людей, связанных между собой согласием в вопросах права и общностью интересов» (*Цицерон М. Т.* Диалоги. О государстве. О законах. М.: «Наука», 1966. С. 20). Следуя этой же традиции, современные ученые все более склоняются к тому, чтобы рассматривать человеческое сообщество в качестве пространства индивидов и их коммуникаций, сконструированного знаковыми средствами. См., в частности: *Вахштайн В. С.* К концептуализации сообщества: еще раз о резидентности, или работа над ошибками // *Социология власти.* 2013. № 3. С. 24; *Аникин Д. А.* Топология социального пространства: от географии к социальной философии // *Известия Саратовского ун-та. Новая серия: Философия. Психология. Педагогика.* 2014. Т. 14. Вып. 1. С. 5–6.

¹⁸ В этом смысле к правовой реальности, взятой с эмпирической точки зрения, вполне применимо знаменитое высказывание Л. Витгенштейна: «Мир — целокупность фактов, а не предметов. Мир определен фактами и тем, что это все факты» (*Витгенштейн Л.* Логико-философский трактат // *Витгенштейн Л.* Философские работы. Ч. I. М.: «Гнозис», 1994. С. 5).

¹⁹ *Шюц А.* Смысловое строение социального мира // *Шюц А.* Избранное: Мир, светящийся смыслом. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2004. С. 996.

²⁰ См.: *Новикова Г. Р.* Религиозно-правовая доктрина ислама в контексте правовой регламентации финансовых отношений современных государств // *Вестник МГЮА им. О. Е. Кутафина.* 2016. № 3. С. 169.

²¹ *Марченко М. Н.* Курс сравнительного правоведения. М.: ООО «Городец-издат», 2002. С. 1027.

²² *Раянов Ф. М.* Мусульманско-правовая доктрина и ее современное измерение // *Проблемы востоковедения.* 2013. № 2 (60). С. 13.

правовую реальность в соответствии с заложенной в ее основу теоретической моделью (конститутивная функция). Примечательно, что данная функция укоренена в нейрофизиологических процессах, происходящих в мозгу человека по мере конструирования им окружающей реальности. Учеными доказано, что в ходе познания и устойчивого практического взаимодействия индивида с объектами внешнего мира в его мозгу формируются нейронные связи, коррелирующие тем отношениям, которые существуют между фактами реальности²³.

Исходя из этого, есть основания предположить, что знания, которые вслед за К. Поппером можно рассматривать в качестве «третьего мира»²⁴, формируют как структуры головного мозга познающего субъекта, так и познаваемый мир объектов, тем самым конструируя и объективную, и субъективную реальность. Наконец, в-пятых, совершенствование механизмов и инструментов получения новых знаний, приводящее к их количественному и качественному росту²⁵, позволяет науке влиять на правовую реальность, обеспечивая ее трансформации, включающую в себя направленные преобразования в соответствии с доктринально разработанным регулятивным идеалом (динамическая функция).

Нетрудно заметить, что на разных этапах исторического развития соотношение указанных функций было неодинаковым. В зависимости от конкретных условий, определяющих потребности общества, и от уровня развития, а также исторических особенностей самого научного знания, одни его функции имели преобладающее значение, тогда как другие играли вспомогательную (субсидиарную) роль. В традиционных правовых порядках Древнего мира и Средних веков, когда доктрина была бесспорно признанным источником права, основными для нее являлись селективная и смыслообразующая функции. Сказанное со всей отчетливостью иллюстрируется на примере римской юриспруденции.

Возникшая на рубеже III–II вв. до н. э.²⁶, юриспруденция Древнего Рима первоначально не имела правотворческого значения. В предклассический период истории римского права юристы решали чисто прикладные задачи, а именно составляли иски и сделки (*cavere*), вели дела в суде (*agere*) и консультировали граждан по вопросам права (*respondere*)²⁷. Таким образом, доктрина в плане своего исторического генезиса первоначально вырастала из чисто практических действий, неотделимых от тех отношений и фактов, которые образовывали субстанциональную основу правового порядка. От этих действий, естественно, были неотделимы рефлексивные моменты, предполагавшие осмысление релевантности юридически значимого поведения. Иными словами, правовая наука в момент своего зарождения представляла собой осмысленную практическую работу юристов, обладавших достаточной для этого квалификацией.

Лишь с течением времени, по мере эволюции как правового порядка, так и — в контексте последнего — интеллектуальной, творческой деятельности знатоков права, происходит дифференциация научного мышления и практики, сделавшейся его гносеологическим объектом. Своего наивысшего расцвета римская юридическая доктрина, как известно, достигает в I–III вв. н. э., когда произведения авторитетных юристов (Гая, Ульпиана, Папиниана, Модестина и Юлия Павла) получают официальное признание в качестве источников права. Однако даже в этот период доктрина не отвечала строгим критериям научности в современном смысле²⁸. Деятельность классических римских правоведов по преимуществу сводилась к формулированию общих принципов правового регулирования (совокупность которых получило название *ius naturale*, естественного права) и к описанию на их основе конкретных жизненных обстоятельств (казусов), а также возникающих в этих обстоятельствах субъективных прав и обязанностей.

Обращают на себя внимание особенности изложения материала в сочинениях римских юристов. По словам В. А. Савельева, «описание казуса римские юристы чаще всего начинали формулой

²³ См.: *Purves D. Neuroscience*. 5th ed. Sunderland (Mass.): Sinauer, 2011. P. 507 ff.

²⁴ Поппер К. Знание и психофизическая проблема: В защиту взаимодействия. М.: Изд. ЛКИ, 2008. С. 81

²⁵ См.: *Popper K. Evolutionary Epistemology // Evolutionary Theory: Paths into the Future / Ed. by J. W. Pollard*. New York: John Wiley & Sons, 1984. P. 240.

²⁶ Новицкий И. Б. Основы римского гражданского права. М.: «Проспект», 2015. С. 24–26.

²⁷ Перечисленные задачи ранней римской юриспруденции оказались настолько прочно с нею связанными, что даже в середине I в. до н. э. Цицерон (*Cic. de. orat.* 1. 48. 212), отвечая на вопрос, кого можно называть юристом, утверждал, что таковым является тот, «кто сведущ в том законе и практике его применения, которым пользуются частные лица в гражданской общине, и в том, чтобы давать ответы, и вести дело в суде, и составлять формулы (*qui legem, et consuetudinis eius, quia private in civitate uterentur, et ad respondendum, et ad agendum, et ad cavendum, peritus esset*)».

²⁸ См.: Берман Г. Дж. Западная традиция права: эпоха формирования. М.: Изд-во МГУ, Издат. группа Инфра-М — Норма, 1998. С. 131–132.

“спрашивается...” (*quasitum est*), за которой следовало изложение обстоятельств казуса. И далее следовал собственно “ответ” юриста, начинающийся словами “ответил, что...” (*respondi*). Иногда за *respondi* следовала еще одна характерная формула: “таково право” (*quid iuris sit*)»²⁹. Вместе с тем, насколько можно судить, представление о норме как правиле поведения, обладающем общезначимостью, общеобязательностью и многократной повторяемостью, в целом было чуждо юристам классического периода. О казуистичности их мышления, среди прочего, свидетельствуют особенности применяемого ими метода, в частности, стремление дать точные дефиниции понятий, неизменная приверженность заимствованным в трудах Аристотеля приемам родо-видовой классификации изучаемых фактов, использование иных формально-логических и лингвистических приемов толкования, к которым подчас сводилось собственно правовое исследование³⁰.

Таким образом, юристы Древнего Рима проделали огромную работу, призванную дать по возможности исчерпывающее описание, систематизацию и каталогизацию юридических фактов, из которых на эмпирическом уровне складывалась правовая реальность. Это способствовало типизации последних, формулированию тех образцовых казусов, руководствуясь которыми судьи могли выносить решения по конкретным делам. Как пишет А. А. Малиновский, «образцовый казус представлял собой модель решения типичного юридического спора, возникшего при одинаковых или сходных фактических обстоятельствах... Появление образцовых споров свидетельствует о достаточно высоком уровне развития римской юриспруденции. Ее представители смогли выявить типичное в правовой действительности, точно определить юридическую суть спора, абстрагируясь от разнообразных фактических нюансов, попытались создать теоретическую модель решения одинаковых споров путем применения метода аналогии»³¹.

Типизация конкретных жизненных ситуаций, производившаяся римской юриспруденцией, проливает свет на особенности доктринального правотворчества и на специфику правопорядков традиционных обществ, к числу которых относилось и античное общество Древнего Рима. Характерной чертой таких правопорядков, на наш взгляд, являлась неразвитость нормативного компонента, в связи с чем роль основного средства конструирования правовой реальности выполняли субъективные права и обязанности, неразрывно связанные с конкретными жизненными ситуациями, из которых они непосредственно проистекали. Именно в субъективных правах и обязанностях репрезентировалась и формализовалась смысловая структура соответствующей фактической ситуации, позволявшая участникам правового общения психологически воспринимать субъективные права в качестве юридических притязаний, дававших возможность требовать определенного поведения обязанных лиц.

Формулируя образцовые казусы, юристы руководствовались предпосылкой, в соответствии с которой в ситуациях, обладающих одинаковой релевантностью, субъекты будут вести себя аналогичным образом, что позволяло создавать типовые модели субъективных прав и обязанностей, применимые к множеству сходных фактических ситуаций. В этом смысле типизация юристами правовой реальности расширяла горизонты последней, позволяя перейти от единичных фактов к их совокупностям, объединенным общей релевантностью и характерными признаками³². Одновременно познавательная деятельность римских юристов стала логическим продолжением и развитием процессов конструирования реальности, истоки которых коренятся в допредикативных структурах жизненного мира³³ и в обыденном правосознании субъектов правового общения.

Рецепция римского права в средневековой Западной Европе начиная с XI в. повлекла за собой не только усвоение западноевропейскими юристами научных достижений и результатов античных знатоков права, но и возрождение правотворческого значения юридической доктрины³⁴. Более

²⁹ Савельев В. А. Юридическая техника римской юриспруденции классического периода // Журнал российского права. 2008. № 12. С. 108.

³⁰ См. об этом, в частности: Перетерский И. С. Дигесты Юстиниана. Очерки по истории составления и общая характеристика. М. : Госюриздат, 1956. С. 68; Гарсия Гарридо М. Х. Римское частное право: казусы, иски, институты. М. : Статут, 2005. С. 89.

³¹ Малиновский А. А. Римская юриспруденция: методология и дидактика // Российское право: образование, практика, наука. 2017. № 4 (100). С. 31.

³² См.: Шюц А. Размышления о проблеме релевантности // Шюц А. Избранное: Мир, светящийся смыслом. С. 281.

³³ О жизненном мире см.: Гуссерль Э. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология. Введение в феноменологическую философию // Гуссерль Э. Философия как строгая наука. Новочеркасск : Сагуна, 1994. С. 87.

³⁴ См. подробнее: Котляр И. . “*Jus commune*” как средневековая модель общеевропейского правопорядка (XI–XIV века). Автореф. дисс. ... к. ю. н. М., 2011; Михайлов А. В. Генезис континентальной юридической догматики. М. : Юрлитинформ, 2012.

того, в условиях местного партикуляризма, присущего средневековому праву, именно юристы творили единый правопорядок (*jus commune*)³⁵. В этой связи представляется глубоко не случайным стремление европейских монархов придать их сочинениям обязательную силу³⁶.

Указанная тенденция с особой наглядностью проявила себя в период XIII–XIV вв., на который приходится деятельность постглоссаторов (комментаторов)³⁷, являвшихся, в отличие от глоссаторов, не только университетскими профессорами, но и активными участниками политической жизни. Рекомендации, сформулированные в работах наиболее влиятельных постглоссаторов, таких как Бальдус ди Убальди, Франциск Аккурсий, Бартоло ди Сассоферато и др., подлежали обязательному применению в судах, что дало возможность в известной степени обуздать произвол судей и создать условия для согласования городских, коммунальных, общинных и иных местных обычаев³⁸.

В трудах представителей научной доктрины *jus commune* создаются юридические конструкции, претендующие не просто на типизацию, но на обобщение фактического материала и, следовательно, на общезначимость в качестве компонентов правовой реальности. Тем самым основной для средневековой юридической доктрины становится уже не селективная, а конститутивная функция, связанная с конституированием правопорядка и его основных сегментов. Результатами тщательной доктринальной проработки стали практически неизвестные римскому праву категории государства, публичной власти, юридических лиц, договорного права и т. п.³⁹

Именно благодаря правотворческой деятельности юристов происходит дальнейшая теоретизация и концептуализация правовой реальности, заложившая основы для формирования в эпоху Нового времени национальных правовых систем. Последние стали закономерным результатом нормализации правопорядков, приведшей к формированию на основе типизированных юристами субъективных прав и обязанностей общезначимых правил поведения, распространивших свое действие на всех участников правового общения. Нетрудно заметить, что ведущую роль в нормализации правопорядков, завершившейся созданием кодификаций XIX столетия, играла юридическая наука, в том числе и в ее доктринальном аспекте. Великие юристы раннего Нового времени (в частности, И. Альтузий, Г. Гроций, У. Блэкстоун, Д. Коук, Ж. Боден, Ж. Кюжа, Ч. Беккария и др.), которых с полным на то правом можно назвать создателями современного научного метода⁴⁰, сформулировали теоретическое представление о норме права как правиле поведения, нашедшее применение в законодательном регулировании общественных отношений.

По мере окончательного формирования нормативного измерения правовой реальности доктрина утрачивает присущее ей значение источника права. Этому помимо прочего способствовали

³⁵ См.: Федоров А. Н. Раздробленность или взаимодействие: о партикуляризме права средневековой Западной Европы // Вестник Челябинского государственного университета. 2015. № 23 (378). Сер.: Право. Вып. 44. С. 20.

³⁶ В условиях зарождающейся абсолютистской государственности раннего Нового времени, государь как верховный суверен нации становится ключевой фигурой *jus commune*, придававшей доктринальным положениям обязательность в плане правоприменительной практики (Котляр И. А. Государь как институт европейского средневекового *jus commune* // Вестник МГУ. Сер. 11: Право. 2011. № 4. С. 106). Одновременно и само государство, на авторитет которого опиралась доктрина, в момент своего зарождения представляло собой результат усилий юристов по обобщению и концептуализации феноменов правовой реальности. См.: Бурдые П. От «королевского дома» к государственному интересу: модель происхождения бюрократического поля // Бурдые П. Социология социального пространства. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2005. С. 279.

³⁷ Полдников Д. Ю. Этапы развития научной доктрины *jus commune* в Западной Европе в XII — XIV вв. // Вестник МГУ. Сер. 11: Право. 2013. № 1. С. 90.

³⁸ См., в частности: Котляр И. А. Понятие "*jus commune*" в европейской правовой традиции // Вестник МГУ. Сер. 11: Право. 2009. № 5. С. 89–100; Марей А. В. К осмыслению рецепции римского права: формирование *jus commune* в Западной Европе XII–XIV вв. // Государство и право. 2012. № 5. С. 96–102.

³⁹ Говоря о влиянии средневековой юридической доктрины на развитие договорного права, Д. Ю. Полдников подчеркивает ее основополагающее значение. По его словам: «Вопреки существующему стереотипу... римское право не знало общей теории договора, основанной на консенсуальной модели договора, едином терминологическом обозначении договора, его обязательности, договорной свободы... Как же получилось, что столь фрагментированное римское договорное право легло в основу современной договорной теории? По нашему мнению, ключевую роль здесь сыграли теоретические концепции представителей средневекового *jus commune*» (Полдников Д. Ю. Этапы формирования цивилистической договорной теории *jus commune* // Государство и право. 2012. № 6. С. 108).

⁴⁰ См., в частности: Чичерин Б. Н. Политические мыслители Древнего и Нового мира. СПб.: «Лань», 1999. С. 150; Батиев Л. В. Политические и правовые учения XVII века. СПб.: Изд. Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2006. С. 5–11; Занин С. В. Рождение учений о естественном праве в эпоху Нового времени: Иоанн Альтузий и Гроций // История государства и права. 2013. № 14. С. 24–27.

механистические модели правового регулирования, получившие распространение в правотворческой и правоприменительной практике Нового времени, на которую опосредованное, но весьма активное влияние оказала классическая естественнонаучная картина Вселенной, подчиненной действию природных законов, представляющих собой всеобщую причинно-следственную связь фактов, установленных в опыте. Как следствие, основным средством конструирования современного правопорядка становятся правовые нормы, рассматриваемые в качестве официально-властных предписаний, обладающих признаками общеобязательности, формальной определенности, многократности применения и распространяющие свое действие на неопределенный круг лиц и на неограниченное множество типичных общественных отношений⁴¹.

Со всей наглядностью подобные механистические представления о нормативности права проявили себя в разработанной рядом советских юристов концепции «механизма правового регулирования», представляющего собой процесс одностороннего воздействия установленных государством норм на поведение членов общества путем наделения последних субъективными правами и обязанностями⁴². Одновременно правовая наука, основная задача которой стала видеться в выявлении общих предпосылок и закономерностей нормативного регулирования, толковании норм и выработке рекомендаций по их применению, вытесняется в сферу чистого знания⁴³. Правотворческие возможности доктрины, чьи положения по мере усложнения современного правопорядка становятся все более абстрактными и теоретически нагруженными, в целом оцениваются исследователями скептически⁴⁴, несмотря на оговорки о том, что доктрина является важным способом правообразования в любом обществе, «всеобъемлющей формой права», вторичным, нетрадиционным источником права и т. п.⁴⁵ Исключение составляет лишь англосаксонское (англо-американское) право, где в силу ряда причин исторического, системного и социокультурного характера за доктриной сохранилось (хотя и в ограниченных пределах) значение источника права⁴⁶.

Представляется, что рассмотренные тенденции исторической динамики науки о праве отражают важнейшие закономерности трансформации знаковых средств конструирования правовой реальности в эволюционном измерении. Это обусловлено самой природой юридической науки, представляющей собой совокупность текстов, т. е. знаковых комплексов, организующих, упорядочивающих и репрезентирующих феномены правовой реальности на основе смысловой структуры, имманентно присущей последней. Мы видели, что основной закон эволюции правовой реальности состоит в развитии последней в сторону все большей общезначимости образующих ее знаков, коррелирующим с формированием единой смысловой структуры, пронизывающей эту реальность.

А именно релевантности (возникшие изначально в допредикативных горизонтах жизненного мира), образующие смысловое ядро конкретных жизненных ситуаций⁴⁷, в ходе эволюции универсализуются, распространяются на множество однотипных фактов и однородных социальных отно-

⁴¹ См. подробнее: *Лейст О. Э.* Сущность права. Проблемы теории и философии права. М.: Зерцало, 2002. С. 51–58.

⁴² *Казимирчук В. П.* Социальный механизм действия права // Сов. государство и право. 1970. № 10. С. 37–44; *Явич Л. С.* Общая теория права. Л.: Изд. ЛГУ, 1976. С. 246; *Тихомиров Ю. А.* Правовая система развитого социалистического общества // Сов. государство и право. 1979. № 7. С. 39; *Алексеев С. С.* Общая теория права. В 2 т. Т. II. М.: Юрид. лит., 1982. С. 25–30.

⁴³ Подобных воззрений на цель и назначение науки о праве придерживались уже мыслители XVII–XVIII вв., полагавшие, что юристы не создают правовую реальность, а лишь познают объективно присущие ей закономерности, сопоставлявшие с законами природы. См.: *Гоббс Т.* Основы философии // Гоббс Т. Соч. в 2 т. Т. 1. М.: Мысль, 1989. С. 237, 272 и след.; *Монтескье Ш. Л.* О духе законов // Монтескье Ш. Л. Избр. произв. М.: Госполитиздат, 1955. С. 163 и др.

⁴⁴ См., например: *Гримм Д. Д.* К вопросу о понятии и источнике обязательности юридических норм // Журнал министерства юстиции. 1896. № 6. С. 26–27; *Хвостов В. М.* Общая теория права. Элементарный очерк. М.: Тип. Вильде, 1914. С. 107–108; *Виноградов П. Г.* Очерки по теории права. М.: Тип. т-ва А. А. Левенсон, 1915. С. 124–125; *Tebbit M.* Philosophy of Law: An Introduction. London; New York: Routledge&Kegan Paul, 2005. P. 36–52.

⁴⁵ См. в частности: *Рожнов А. П.* Нетрадиционные источники права в правовой системе // Вестник ВолГУ. 2001. Сер. 5. Вып. 4. С. 29; *Вопленко Н. Н.* Источники и формы права. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2004. С. 23; *Любитенко Д. Ю.* Правовая доктрина в системе источников российского права // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2010. № 4; *Малько А. В., Храмов Д. В.* Система нетрадиционных источников российского частного права // Ленинградский юридический журнал. 2010. № 1. С. 38 и др.

⁴⁶ См.: *Ромашов Р. А.* Правовая доктрина в англо-американском, мусульманском и российском праве: проблема понимания и формы выражения // Проблемы методологии и философии права. Сб. статей участников II Международного круглого стола / под ред. С. Н. Касаткина. Самара: Самарск. гуманит. акад., 2015. С. 33–34.

⁴⁷ См. подробнее: *Стовба А. В.* Правовая ситуация как исток бытия права. Харьков: ЛЛС, 2006.

шений, требуя от их участников сходного поведения. В плане знаковой формы эволюция правовой реальности проявляется в формировании на основе субъективных прав и обязанностей норм общего действия, адресатами которых выступает неограниченный круг участников правового общения.

Таким образом, правовые нормы, являющиеся атрибутом развитого правопорядка, выступают результатом типизации субъективных прав и обязанностей и седиментации юридически релевантного опыта множества конкретных индивидов⁴⁸. Результатом рассматриваемых процессов становится формирование общего для всех индивидов пространства правовой реальности, представляющего собой единое поле интересующих коммуникаций. Правовая наука в целом и доктрина в частности, благодаря присущему им высокому рефлексивному потенциалу, а также авторитету, которым пользуются ученые-юристы, способна значительно ускорить этот процесс, став мощным катализатором эволюционных изменений правовой реальности.

Эволюционная динамика правовой реальности и участие в ней научного познания имеют не случайный и не произвольный, но глубоко закономерный характер, подтверждаемый на примере эволюции иных знаковых средств конструирования реальности (языков). Речь идет, в частности, о естественных человеческих языках⁴⁹, которые первоначально складываются из окказионально мотивированных индивидуальных знаков, обладающих максимальной степенью конкретности и обозначающих единичные предметы. Простейшим (и наиболее ранним) примером таких знаков являлись ручные жесты, выступавшие, по мнению некоторых ученых, первым способом знаковой коммуникации⁵⁰. По мере становления и развития звукового языка, элементы жестовой коммуникации сохранились в его структурах в виде эмфатических ударений, восклицательной интонации⁵¹ и в особенности так называемых дейктических слов, играющих, как показал К. Бюлер, важную роль в конструировании пространственных отношений говорящего⁵².

Индивидуальный и, следовательно, предельно конкретизированный и приуроченный к отдельным коммуникативным ситуациям, характер первичных форм знаковой коммуникации находит свое проявление в идиолектах, из которых, по мнению некоторых лингвистов, и состоит язык любого человеческого сообщества на ранних этапах развития⁵³. Как утверждал В. Гумбольдт, «все люди говорят как бы одним языком, и в то же время у каждого человека свой отдельный язык. Необходимо изучать живую разговорную речь и речь отдельного индивидуума»⁵⁴. В ходе эволюции на основе множества идиолектов формируется единый язык обязательный для всех членов языкового сообщества. При этом индивидуальные различия, проявляющиеся в идиолектах, не утрачивая в целом своего значения, в той или иной мере нивелируются. Активную роль здесь играют процессы нормализации, происходящие в любом языке, достигшем известной ступени развития.

Одной из наиболее значимых предпосылок нормализации является утрата семиотическими средствами, используемыми языком, непосредственной образной выразительности и превращение

⁴⁸ См.: Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности: трактат по социологии знания. М. : Медиум, 1995. С. 157–170; Шюц А. Размышления о проблеме релевантности. С. 295; Дивисенко К. С. Социальные исследования жизненного мира // Социологический журнал. 2014. № 1. С. 7.

⁴⁹ В литературе неоднократно предпринимались попытки обнаружить общие закономерности эволюции права и языка, обусловленные их тесным взаимодействием и взаимопереплетением в процессах знаковой коммуникации. См., например: Касаткин А. А. История языка и история права (на материале некоторых романских языков) // Известия АН СССР. Сер. литературы и языка. 1964. Т. XXIII. Вып. 2. С. 113–124; Проскурин С. Г. Эволюция права в свете семиотики // Вестник НГУ. Сер.: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2008. Т. 6. Вып. 1. С. 48–53.

⁵⁰ Теорию возникновения языка из жестов пытались обосновать уже в античную эпоху такие философы, как Эпикур, Лукреций и др. (см.: Верлинский А. Л. Античные учения о возникновении языка. СПб. : Изд. СПбГУ, 2006. С. 333). Впоследствии одним из наиболее активных сторонников теории жестовой коммуникации стал Н. Я. Марр, видевший в ней отправную точку эволюции не только языка, но и ряда иных социальных институтов (Марр Н. Я. Язык // Марр Н. Я. Основные вопросы языкознания. М. : Соцэкгиз, 1935. С. 129). В настоящее время данная концепция считается маргинальной и подвергается отчасти небезосновательной критике. Высказывается, однако, и иная точка зрения, указывающая на бесспорные достоинства жестовой теории, позволяющей объяснить действие базовых психофизиологических механизмов, лежащих в основании всех более сложных форм знаковой коммуникации. См.: Иванов Вяч. Вс. Нечет и чет: Асимметрия мозга и динамика знаковых систем // Иванов Вяч. Вс. Избр. труды по семиотике и истории культуры. Т. I. М. : «Языки русской культуры», 1999. С. 487 и след.

⁵¹ См.: Блумфилд Л. Язык. Изд. 2-е, стереотип. М. : Едиториал УРСС, 2002. С. 116.

⁵² См.: Бюлер К. Теория языка. Репрезентативная функция языка. М. : «Прогресс», 2002. С. 82 и след.

⁵³ См.: Богданова Е. В. О некоторых аспектах изучения термина идиолект в отечественной и западной лингвистике // Вестник ЛГУ им. А. С. Пушкина. 2009. Т. 1. № 4. С. 100–108.

⁵⁴ Гумбольдт В. О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человечества // Гумбольдт В. Избр. труды по языкознанию. М. : «Прогресс», 1984. С. 45.

их в знаки, способные сигнифицировать большие классы предметов, обладающих общими признаками⁵⁵. Исследования А. М. Хокарта продемонстрировали, что эволюция от знака-изображения к знаку-символу имеет общекультурное значение и затрагивает любые переплетенные с естественным языком сферы коммуникации, например, политические и правовые ритуалы, практиковавшиеся в древних обществах⁵⁶. Важную роль здесь играет научное знание, способствующее концептуализации культуры и формированию категориального аппарата, с помощью которого обеспечивается семантическое единообразие различных сфер культурной реальности, включая и реальность правовую⁵⁷.

Данное обстоятельство, применительно к лингвистической семантике, описывает Вяч. Вс. Иванов, по словам которого: «Развитию от конкретных изображений к символам в языках соответствует сходное перемещение теоретических интересов по отношению к языку. Для ранних этапов сознания (в частности, отраженных в мифах) основной проблемой являлась связь знака и предмета, что сказывается в преданиях о наименовании вещей... Современная лингвистическая семантика, развитие которой началось с исследования знаков, обозначающих концепты, меньше всего занимается этим кругом вопросов»⁵⁸. То же самое можно сказать и о юридической науке, правотворческое значение которой состоит в том, что она, формируя систему средств знакового конструирования правовой реальности, создает условия для нормализации последней.

Даже в современных условиях, когда правовую науку вообще (и доктрину в частности), как мы видели, не принято относить к числу источников права, их значение по-прежнему велико особенно там, где нормы позитивного права выступают выражением не произвола господствующей клики, но отражают закономерности социальной жизни, а также общую волю и публичный интерес всех членов общества. В таких условиях доктрина с неизбежностью выступает на передний план среди не только правообразующих факторов, но и среди источников права в строгом (формально-юридическом) смысле⁵⁹. Косвенным образом указанное обстоятельство, правда, пока лишь применительно к нормам зарубежного права на территории Российской Федерации, получает официальное признание в ряде нормативно-правовых актов (п. 1 ст. 1191 ГК РФ, п. 1 ст. 14 АПК РФ, п. 1 ст. 166 СК РФ)⁶⁰.

Более того, в ситуации становления качественно нового правопорядка, в силу присущих ему особенностей, о которых упоминалось выше, значение доктрины как источника права будет, по видимому, возрастать. При этом, учитывая особенности правовой науки, в том числе и в ее доктринальных проявлениях, имеются основания предположить, что основной функцией, релевантной для постсовременного правопорядка станет динамическая функция, реализация которой позволит

⁵⁵ См.: Иванов Вяч. Вс. Лингвистика и гуманитарные проблемы семиотики // Известия АН СССР. Сер. литературы и языка. 1968. Т. XXVII. Вып. 3. С. 241.

⁵⁶ Hocart A. M. Kings and Councillors. Cairo: Egyptian University Press, 1936. P. 151. Следует отметить, что еще Г. С. Мейн, изучая влияние рассматриваемых процессов на институты гражданского и уголовного права обществ Древнего мира, выводит закономерность эволюции правопорядка — от конкретных предписаний, установленных волей правителя, через господство обычного права к кодификациям, воплощающим в себе волю всех членов общества (Мэйн Г. С. Древнее право: его связь с историей общества и его отношение к новейшим идеям. Изд. 2-е. М.: КРАСАНД, 2011). В этой связи уместно предположить, что эволюционные динамика правопорядков во всемирно-историческом масштабе свидетельствует о развитии глубинных структур человеческого мышления, способствующем росту личностного самосознания и, в конечном итоге, прогрессу свободы как в индивидуальном, так и в общесоциальном ее проявлениях. См. подробнее об этом в нашей статье: Разуваев Н. В. Развитие личностного самосознания как движущая сила эволюции государств Древнего мира и Средних веков // Сто лет Уральскому государственному юридическому институту (1918–2018 гг.): в 2 т. Т. 1: Эволюция российского и зарубежного государства и права: историко-юридические исследования / под ред. А. С. Смыкалина. Екатеринбург: Изд-во УрГЮИ, 2019. С. 134–150.

⁵⁷ О различных аспектах концептуализации культурной семантики см. подробнее: Проблемы функциональной грамматики: Категоризация семантики / отв. ред. А. В. Бондарко, С. А. Шубик. СПб.: Наука, 2008.

⁵⁸ Иванов Вяч. Вс. Лингвистика и гуманитарные проблемы семиотики. С. 241.

⁵⁹ См. в частности: Разумович Н. Н. Источники и форма права // Сов. государство и право. 1988. № 3. С. 21; Гранат Н. Л. Источники права // Юрист. 1998. № 9. С. 6–11; Бошно С. В. Указ. соч. С. 70–79; Нешатаева Т. Н. К вопросу об источниках права — судебном прецеденте и доктрине // Вестник ВАС РФ. 2003. № 5. С. 91–97; Васильев А. А. Правовая доктрина как источник права: историко-теоретические вопросы. Автореф. дисс. к. ю. н. Красноярск, 2007.

⁶⁰ См.: Семейный кодекс Российской Федерации. Утв. Федеральным законом от 29.12.1995 № 223-ФЗ // СЗ РФ. 1996. № 1. Ст. 16; 2018. № 1. Ч. I. Ст. 22; Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть третья. Утв. Федеральным законом от 26.11.2001 г. № 146-ФЗ // СЗ РФ. 2001. № 49. Ст. 4552; 2017. № 14. Ст. 1998; Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации. Утв. Федеральным законом от 24.07.2002 № 95-ФЗ // СЗ РФ. 2002. № 30. Ст. 3012; 2018. № 53. Ч. 1. Ст. 8411.

активно воздействовать на правопорядок, приводя его в соответствие с выработанными на доктринальном уровне общими принципами. Конститутивное воздействие правовой науки на правопорядок может осуществляться сразу по нескольким направлениям, а именно через законотворчество, судебную практику и правоприменительную деятельность юристов-практиков.

Взаимная связь и влияние доктрины на законотворчество имели место уже на ранних стадиях эволюции правовой реальности, становясь особенно тесными во время кодификационных работ, требовавших исчерпывающих представлений о структуре правопорядка, принципах его системной организации, соотношении конкретных элементов и др. Такие представления могла сформировать лишь юридическая наука, вот почему не случайной является ведущая роль, которую играли ученые в подготовке кодифицированных законодательных актов. Чтобы убедиться в этом, достаточно вспомнить лишь несколько наиболее известных примеров. Так, по мнению историков, уже древнеавилонские Законы Хаммурапи (XVIII в. до н. э.) стали результатом тщательной доктринальной проработки, обобщения и систематизации обычного права, судебных решений, царских указов и иных источников⁶¹.

Общеизвестно влияние правовой науки на кодификации римского права на протяжении всего существования последнего. В состав комиссии децемвиров по составлению Законов XII таблиц входили лица, выделявшиеся своими познаниями в сфере права (прежде всего, глава коллегии Аппий Клавдий). И в дальнейшем кодификационными работами руководили ведущие юристы своего времени: в частности, Сальвий Юлиан (II в. н. э.) по распоряжению императора Адриана систематизировал нормы преторского права, подготовив так называемый Вечный эдикт (*Edictum perpetuum*). Но особенно велик был вклад ученых-юристов в подготовку Юстиниановского Свода гражданского права, к участию в которой были привлечены крупнейшие ученые своего времени⁶². Указанная традиция получила свое продолжение и в Византии, где юристы (такие, к примеру, как Константин Арменопул) столь же активно, как и в Римской империи, участвовала в создании законодательных актов⁶³.

Не нуждается в специальном доказывании, что все важнейшие кодификации Нового и Новейшего времени (Французский гражданский кодекс, Полный свод законов Российской империи, Германское гражданское уложение, ГК Италии и др.) в конечном итоге явились продуктом доктринального творчества, по отношению к которому государственная власть выполняла лишь вспомогательную, авторизующую роль⁶⁴. Вот почему следует согласиться с утверждением Я. Шаппа, по словам которого «доктрина в широком смысле не является чем-то «приставленным к праву», напротив, право является ее содержанием. Однако данное обстоятельство ничего не меняет в том, что доступ к праву возможен только через доктрину»⁶⁵. Доктринальное правотворчество может также осуществляться и *intra legem*, посредством доктринальных толкований законодательных норм, содержательно становящихся частью самой интерпретируемой нормы и подлежащих судебному применению наряду с нею.

Именно так обстоит дело во французском праве, где пользуются официальным признанием работы Ф. Пляниоля, Л. Мишо, Р. Салейля, Ж. Л. Ортолана и др. В правовых системах Нидерландов и бывших голландских колоний, прежде всего ЮАР, для восполнения пробелов в действующем законодательстве применяются сочинения глоссаторов, постглоссаторов, а также юристов XVII–XVIII вв. (Г. Гроция, А. Виния, И. Вета и др.)⁶⁶. Наконец, в Германии, где доктрина не используется для непосредственного регулирования правовых отношений, труды юристов (в частности, Ф. К. Савиньи, А. Тура, Г. Пухты, Б. Виндшайда, Г. Дернбурга, Ю. Барона и др.) составляют теоретическую основу законодательства, оказывая определяющее воздействие на судебную практику⁶⁷. Велика роль доктринальных толкований в международном праве, а именно в практике международных судов, руководствующейся сочинениями ведущих юристов (Ф. Витториа, Б. Айала, Ф. Джентиле, Э. Ваттеля, В. Ф. Малиновского и др.)⁶⁸.

⁶¹ См.: История Древнего Востока. Зарождение древнейших классовых обществ и первые очаги рабовладельческой цивилизации. Ч. I. Месопотамия / под ред. И. М. Дьяконова. М.: Наука, 1983. С. 372.

⁶² См. подробнее: Липшиц Е. Э. Право и суд в Византии в IV–VII вв. Л.: «Наука», 1976.

⁶³ См.: Медведев И. П. Правовая культура Византийской империи. СПб.: Алетейя, 2001. С. 215 и след.

⁶⁴ См. об этом: Кабрийак Р. Кодификации. М.: Статут, 2007. С. 322–324.

⁶⁵ Шапп Я. Система германского гражданского права. М.: «Междунар. отношения», 2006. С. 41.

⁶⁶ См.: Цвайгерт К., Кетц Х. Сравнительное частное право. Т. 1–2. М.: «Междунар. отношения», 2011. С. 236–239.

⁶⁷ Шапп Я. Указ. соч. С. 30.

⁶⁸ См.: Васильев А. А. Правовая доктрина как источник права: за и против // Алтайский вестник государственной и муниципальной службы. 2010. № 5. С. 44–45.

Ничто, как мы полагаем, не препятствует и прямому применению доктринальных положений в правоприменительной деятельности юристов. Более того, именно сейчас значение доктрины становится особенно важным для правоприменителей, которым приходится иметь дело с фактами и отношениями, отсутствовавшим на более ранних этапах общественного развития и требующих напряженных интеллектуальных усилий для своего осмысления и юридической квалификации. Важной приметой постиндустриального (информационного) общества, отмеченной многими исследователями⁶⁹, выступает экспансия научного знания во все сферы социальной практики, включая и практику юридическую. Неслучайным поэтому является стремление практикующих юристов обобщать накопленный опыт и делать из этого опыта научно значимые выводы и предложения. Таким образом, доктрина, тесно переплетаясь с законодательной, судебной и правоприменительной деятельностью все активнее участвует в конструировании правовой реальности. В связи с этим следует согласиться с высказываемыми в юридической литературе предложениями официально признать доктрину в качестве источника права.

Однако такое признание предполагает повышенную социальную ответственность юридической науки⁷⁰. Известно, в частности, скептическое, чтобы не сказать — резко негативное, отношение И. А. Покровского к идее свободного судейского правотворчества, дискредитировавшего, по мысли ученого, идею естественного права, от лица которого брали на себя смелость выступать судьи. Важнейшим недостатком судейского права И. А. Покровский считал возможность произвола, многократно возрастающую там, где правовое сознание судей стоит на достаточно низкой ступени. По его словам: «Если теория свободного судейского правотворения заключает в себе организационную и неустранимую опасность судейского произвола, если она самую неопределенность и неясность права возводит в принцип, она, очевидно, идет вразрез с интересами развивающейся человеческой личности»⁷¹.

Хотя правовая наука, которая, в силу самой своей природы и социального назначения, выступает носителем образцового правосознания, по идее, должна избегать этой опасности, нет никаких оснований априори считать ученых свободными от недостатков, присущих другим представителям профессионального юридического сообщества. Содержательная ценность и качество исследований могут, в частности, заметно снижаться политической или идеологической ангажированностью правовой мысли, приводящей к подмене значимых целей научного знания. В таком случае место поиска научной истины и выработки обоснованных рекомендаций для правоприменительной и судебной практики занимает обслуживание интересов власть имущих. Закономерными следствиями указанной тенденции становятся оправдание произвола, проповедь правового нигилизма, отрицание ценности человеческой личности, ее основных неотчуждаемых прав и свобод и т. п. Еще одним идейным пороком юриспруденции нельзя не признать склонность к отвлеченному теоретизированию, делающему научные труды заведомо бесполезными для практикующих юристов.

Представляется, что преодоление указанных системных недостатков правовой науки станет важным шагом на пути ее превращения в источник права. При этом в задачи юридической науки должно входить не только формирование консолидированной доктринальной позиции по подлежащим урегулированию вопросам, но и создание всеохватывающей теоретической модели правовой реальности. Такая модель, опирающаяся на систему общенаучных и философско-правовых воззрений, должна служить основанием для правового регулирования. Кроме того, доктрина, выступающая в роли источника права, не может ограничиваться лишь созданием «общей теории», отдаваемой на откуп законодателю, судьям и правоприменителям. Как бы хороша ни была такая теория, она не заменит конкретных нормативных предписаний, вырабатывать которые в том или ином виде также призвана доктрина.

Иными словами, правовая наука (прежде всего в ее доктринальном аспекте) должна присутствовать на всех этапах правового регулирования — от формулирования наиболее фундаментальных общих принципов до обеспечения конкретных решений по любым практически значимым вопросам. Лишь в этом случае правовая наука сможет успешно осуществлять правотворческую функцию, являющуюся ее важнейшей социальной миссией.

⁶⁹ См., в частности: Друкер П. Посткапиталистическое общество // Новая постиндустриальная волна на Западе: Антология / под ред. В. Л. Иноземцева. М.: Academia, 1999. С. 71.

⁷⁰ См. подробнее: Антонова Л. И. Служение праву — святая обязанность юриста // Управленческое консультирование. 2011. № 4. С. 65—73.

⁷¹ Покровский И. А. Основные проблемы гражданского права. М.: Статут, 1998. С. 105.

Литература

1. Агамбен Дж. Номос sacer. Чрезвычайное положение. М. : Европа, 2011.
2. Алексеев С. С. Общая теория права. В 2 т. Т. II. М. : Юрид. лит., 1982.
3. Аникин Д. А. Топология социального пространства: от географии к социальной философии // Известия Саратовского ун-та. Новая серия: Философия. Психология. Педагогика. 2014. Т. 14. Вып. 1. С. 5–9.
4. Антонова Л. И. Служение праву — святая обязанность юриста // Управленческое консультирование. 2011. № 4. С. 65–73.
5. Аристотель. Политика // Аристотель. Соч. в 4 т. Т. 4. М. : «Мысль», 1983. С. 376–644. Цицерон М. Т. Диалоги. О государстве. О законах. М. : «Наука», 1966.
6. Байниязов Р. С. Духовно-культурологический подход к правосознанию и праву // Новая правовая мысль. 2003. № 1. С. 2–6.
7. Батиев Л. В. Политические и правовые учения XVII века. СПб. : Изд. Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2006.
8. Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. М. : Прогресс-Традиция, 2000.
9. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество: Опыт социального прогнозирования. М. : Academia, 2004.
10. Белов В. А. Предметно-методологические проблемы цивилистической науки // Гражданское право: актуальные проблемы теории и практики / под общ. ред. В. А. Белова. М. : Юрайт-Издат, 2007.
11. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности: трактат по социологии знания. М. : Медиум, 1995.
12. Берман Г. Дж. Западная традиция права: эпоха формирования. М. : Изд-во МГУ, Издат. группа Инфра-М — Норма, 1998.
13. Блумфилд Л. Язык. Изд. 2-е, стереотип. М. : Едиториал УРСС, 2002.
14. Богданова Е. В. О некоторых аспектах изучения термина идиолект в отечественной и западной лингвистике // Вестник ЛГУ им. А. С. Пушкина. 2009. Т. 1. № 4. С. 100–108.
15. Бошно С. В. Доктрина как форма и источник права // Журнал российского права. 2003. № 12. С. 70–79.
16. Бурдые П. Социология социального пространства. М. : Институт экспериментальной социологии; СПб. : Алетейя, 2005.
17. Бюлер К. Теория языка. Репрезентативная функция языка. М. : «Прогресс», 2002.
18. Васильев А. А. Правовая доктрина как источник права: за и против // Алтайский вестник государственной и муниципальной службы. 2010. № 5. С. 43–47.
19. Васильев А. А. Правовая доктрина как источник права: историко-теоретические вопросы. Автореф. дисс. к. ю. н. Красноярск, 2007.
20. Вахштайн В. С. К концептуализации сообщества: еще раз о резидентности, или работа над ошибками // Социология власти. 2013. № 3. С. 8–26.
21. Вахштайн В. С. Курьезы и парадоксы феноменологической интервенции // Социология власти. 2014. № 1. С. 5–9.
22. Виноградов П. Г. Очерки по теории права. М. : Тип. т-ва А. А. Левенсон, 1915.
23. Витгенштейн Л. Логико-философский трактат // Витгенштейн Л. Философские работы. Ч. I. М. : «Гнозис», 1994. С. 1–73.
24. Вопленко Н. Н. Источники и формы права. Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2004.
25. Вторые философско-правовые чтения памяти В. С. Нерсесянца (либертарно-юридический проект) // Ежегодник либертарно-юридической теории. 2009. № 2. С. 5–39.
26. Гарсиа Гарридо М. Х. Римское частное право: казусы, иски, институты. М. : Статут, 2005.
27. Гоббс Т. Основы философии // Гоббс Т. Соч. в 2 т. Т. 1. М. : Мысль, 1989.
28. Гранат Н. Л. Источники права // Юрист. 1998. № 9. С. 6–11.
29. Гримм Д. Д. К вопросу о понятии и источнике обязательности юридических норм // Журнал министерства юстиции. 1896. № 6. С. 26–53.
30. Гуляихин В. Н. Правовой менталитет российских граждан // НВ. Вопросы права и политики. 2012. № 4. С. 108–133.
31. Гумбольдт В. О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человечества // Гумбольдт В. Избр. труды по языкознанию. М. : «Прогресс», 1984. С. 37–297.
32. Гуссерль Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии. М. : Академический Проект, 2009.
33. Гуссерль Э. Философия как строгая наука. Новочеркасск : Сагуна, 1994.
34. Дивисенко К. С. Социальные исследования жизненного мира // Социологический журнал. 2014. № 1. С. 6–21.
35. Друкер П. Посткапиталистическое общество // Новая постиндустриальная волна на Западе: Антология / под ред. В. Л. Иноземцева. М. : Academia, 1999. С. 67–100.
36. Занин С. В. Рождение учений о естественном праве в эпоху Нового времени: Иоанн Альтузий и Гроций // История государства и права. 2013. № 14. С. 24–27.
37. Зеленкевич И. С. Правовая доктрина и правовая наука: некоторые аспекты соотношения и использования в качестве источников права // Северо-Восточный научный журнал. 2010. № 2. С. 42–47.
38. Иванов Вяч. Вс. Лингвистика и гуманитарные проблемы семиотики // Известия АН СССР. Сер. литературы и языка. 1968. Т. XXVII. Вып. 3. С. 236–245.
39. Иванов Вяч. Вс. Нечет и чет: Асимметрия мозга и динамика знаковых систем // Иванов Вяч. Вс. Избр. труды по семиотике и истории культуры. Т. I. М. : «Языки русской культуры», 1999. С. 381–603.

40. История Древнего Востока. Зарождение древнейших классовых обществ и первые очаги рабовладельческой цивилизации. Ч. I. Месопотамия / под ред. И. М. Дьяконова. М. : Наука, 1983.
41. Кабрийак Р. Кодификации. М. : Статут, 2007.
42. Казимирчук В. П. Социальный механизм действия права // Сов. государство и право. 1970. № 10. С. 37–44.
43. Касаткин А. А. История языка и история права (на материале некоторых романских языков) // Известия АН СССР. Сер. литературы и языка. 1964. Т. XXIII. Вып. 2. С. 113–124.
44. Косериу Э. Синхрония, диахрония и история: проблема языкового изменения. Изд. 3-е. М. : Едиториал УРСС, 2009.
45. Котляр И. А. «Jus commune» как средневековая модель общеевропейского правопорядка (XI– XIV века). Автореф. дисс. к. ю. н. М., 2011.
46. Котляр И. А. Государь как институт европейского средневекового *jus commune* // Вестник МГУ. Сер. 11. Право. 2011. № 4. С. 105–113.
47. Котляр И. А. Понятие «*jus commune*» в европейской правовой традиции // Вестник МГУ. Сер. 11. Право. 2009. № 5. С. 89–100.
48. Лейст О. Э. Сущность права. Проблемы теории и философии права. М. : Зерцало, 2002.
49. Липшиц Е. Э. Право и суд в Византии в IV–VII вв. Л. : «Наука», 1976.
50. Любитенко Д. Ю. Правовая доктрина в системе источников российского права // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2010. № 4 (10). С. 22–26.
51. Малиновский А. А. Римская юриспруденция: методология и дидактика // Российское право: образование, практика, наука. 2017. № 4 (100). С. 16–38.
52. Малько А. В., Храмов Д. В. Система нетрадиционных источников российского частного права // Ленинградский юридический журнал. 2010. № 1. С. 36–39.
53. Мамардашвили М. К. Классический и неклассический идеалы рациональности. СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2010.
54. Марей А. В. К осмыслению рецепции римского права: формирование *jus commune* в Западной Европе XII– XIV вв. // Государство и право. 2012. № 5. С. 96–102.
55. Марр Н. Я. Язык // Марр Н. Я. Основные вопросы языкознания. М. : Соцэкгиз, 1935. С. 127–135.
56. Марченко М. Н. Курс сравнительного правоведения. М. : ООО «Городец-издат», 2002.
57. Медведев И. П. Правовая культура Византийской империи. СПб. : Алетей, 2001.
58. Михайлов А. В. Генезис континентальной юридической догматики. М. : Юрлитинформ, 2012.
59. Монтескье Ш. Л. О духе законов // Монтескье Ш. Л. Избр. произв. М. : Госполитиздат, 1955. С. 155–655.
60. Мордовцев А. Ю. Особенности правопонимания в современной России: формирование нового дискурса // Философия права. 2011. № 3. С. 13–17.
61. Мэйн Г. С. Древнее право: его связь с историей общества и его отношение к новейшим идеям. Изд. 2-е. М. : КРАСАНД, 2011.
62. Нешатаева Т. Н. К вопросу об источниках права — судебном прецеденте и доктрине // Вестник ВАС РФ. 2003. № 5. С. 91–97.
63. Новикова Г. Р. Религиозно-правовая доктрина ислама в контексте правовой регламентации финансовых отношений современных государств // Вестник МГЮА им. О. Е. Кутафина. 2016. № 3. С. 165–175.
64. Новицкий И. Б. Основы римского гражданского права. М. : «Проспект», 2015.
65. Паткуль А. Б. Понятие региона в феноменологии Э. Гуссерля и М. Хайдеггера // Логос. Философско-литературный журнал. 2010. № 5 (78). С. 77–88.
66. Перетерский И. С. Дигесты Юстиниана. Очерки по истории составления и общая характеристика. М. : Госюриздат, 1956.
67. Покровский И. А. Основные проблемы гражданского права. М. : Статут, 1998.
68. Полдников Д. Ю. Этапы развития научной доктрины *jus commune* в Западной Европе в XII–XIV вв. // Вестник МГУ. Сер. 11. Право. 2013. № 1. С. 87–108.
69. Полдников Д. Ю. Этапы формирования цивилистической договорной теории *jus commune* // Государство и право. 2012. № 6. С. 106–115.
70. Поляков А. В. Коммуникативное правопонимание: Избр. труды. СПб. : ИД «Алеф-пресс», 2014.
71. Поляков А. В. Постклассическое правоведение и идея коммуникации // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2006. № 2 (265). С. 26–43.
72. Поппер К. Знание и психофизическая проблема: В защиту взаимодействия. М. : Изд. ЛКИ, 2008.
73. Постклассическая онтология права: Монография / под ред. И. Л. Честнова. СПб. : Алетей, 2016.
74. Проблемы функциональной грамматики: Категоризация семантики / отв. ред. А. В. Бондарко, С. А. Шубик. СПб. : Наука, 2008.
75. Проскурин С. Г. Эволюция права в свете семиотики // Вестник НГУ. Сер. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2008. Т. 6. Вып. 1. С. 48–53.
76. Пузилов Р. В. Сущность юридической доктрины как источника права // Правовая политика и правовая жизнь. 2003. № 4. С. 133–138.
77. Разуваев Н. В. Право: социально-конструктивистский подход // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2015. № 5 (322). С. 48–98.
78. Разуваев Н. В. Развитие личного самосознания как движущая сила эволюции государств Древнего мира и Средних веков // Сто лет Уральскому государственному юридическому институту (1918–2018 гг.): в 2 т. Т. 1: Эволюция российского и зарубежного государства и права: историко-юридические исследования / под ред. А. С. Смыкалина. Екатеринбург : Изд-во УрГЮИ, 2019. С. 134–150.

79. *Разуваев Н. В.* Современная теория права в поисках постклассической парадигмы познания // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2014. № 5 (316). С. 136–153.
80. *Разумович Н. Н.* Источники и форма права // Сов. государство и право. 1988. № 3. С. 20–27.
81. *Раянов Ф. М.* Мусульманско-правовая доктрина и ее современное измерение // Проблемы востоковедения. 2013. № 2 (60). С. 7–14.
82. *Рожнов А. П.* Нетрадиционные источники права в правовой системе // Вестник ВолГУ. 2001. Сер. 5. Вып. 4. С. 27–34.
83. *Ромашов Р. А.* Правовая доктрина в англо-американском, мусульманском и российском праве: проблема понимания и формы выражения // Проблемы методологии и философии права. Сб. статей участников II Международного круглого стола / под ред. С. Н. Касаткина. Самара : Самарск. гуманит. акад., 2015. С. 30–38.
84. *Савельев В. А.* Юридическая техника римской юриспруденции классического периода // Журнал российского права. 2008. № 12. С. 108–115.
85. *Степин В. С.* Классика, неклассика, постнеклассика: критерии различения // Постнеклассика: философия, наука, культура / отв. ред. Л. П. Киященко, В. С. Степин. СПб. : Издат. дом «Мирь», 2009. С. 249–295.
86. *Степин В. С.* Саморазвивающиеся системы и постнеклассическая рациональность // Вопросы философии. 2003. № 8. С. 5–18.
87. *Стовба А. В.* Правовая ситуация как исток бытия права. Харьков : ЛЛС, 2006.
88. *Сырых В. М.* Материалистическая теория права: Избранное. М. : Изд-во РАП, 2011.
89. *Тихомиров Ю. А.* Правовая система развитого социалистического общества // Сов. государство и право. 1979. № 7. С. 33–38.
90. *Федоров А. Н.* Раздробленность или взаимодействие: о партикуляризме права средневековой Западной Европы // Вестник Челябинского государственного университета. 2015. № 23 (378). Сер. Право. Вып. 44. С. 18–23.
91. *Хвостов В. М.* Общая теория права. Элементарный очерк. М. : Тип. Вильде, 1914.
92. *Цвайгерт К., Кетц Х.* Сравнительное частное право. Т. 1–2. М. : «Междунар. отношения», 2011.
93. *Честнов И. Л.* Постклассическая теория права. СПб. : Издат. дом «Алеф-Пресс», 2012.
94. *Честнов И. Л.* Правовая коммуникация в контексте постклассической эпистемологии // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2014. № 5 (316). С. 31–41.
95. *Чичерин Б. Н.* Политические мыслители Древнего и Нового мира. СПб. : «Лань», 1999.
96. *Шапп Я.* Система германского гражданского права. М. : «Междунар. отношения», 2006.
97. *Шюц А.* Избранное: Мир, светящийся смыслом. М. : «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2004.
98. *Явич Л. С.* Общая теория права. Л. : Изд. ЛГУ, 1976.
99. *Hocart A. M.* Kings and Councillors. Cairo : Egyptian University Press, 1936.
100. *Popper K.* Evolutionary Epistemology // Evolutionary Theory: Paths into the Future / Ed. by J. W. Pollard. New York : John Wiley&Sons, 1984. P. 239–255.
101. *Purves D.* Neuroscience. 5th ed. Sunderland (Mass.) : Sinauer, 2011.
102. *Tebbit M.* Philosophy of Law: An Introduction. London; New York : Routledge&Kegan Paul, 2005.

References

1. *Agamben J.* Homo sacer. State of emergency [Homo sacer. Chrezvychaynoye polozheniye]. М. : Europe, 2011. (in Rus)
2. *Alekseev S. S.* General Theory of Law. [Obschaya teoriya prava] In 2 t. T. II. М. : Legal. lit. [Yuridicheskaya literatura], 1982. (in rus)
3. *Anikin D. A.* Topology of social space: from geography to social philosophy [Topologiya sotsial'nogo prostranstva: ot geografii k sotsial'noy filosofii] // Izvestiya of Saratov University. New Series. Ser. Philosophy. Psychology. Pedagogy [Izvestiya Saratovskogo un-ta. Novaya seriya: Filosofiya. Psikhologiya. Pedagogika]. 2014. T. 14. N 1. P. 5–9. (in rus)
4. *Antonova L. I.* Serving the law — the holy duty of a lawyer [Sluzheniye pravu — svyataya obyazannost' yurista] // Administrative consulting. 2011. N 4. P. 65–73. (in rus)
5. *Aristotle.* Politics // Aristotle. Cit. In 4 t. T. 4. М. : Thought [Mysl'], 1983. P. 376–644. Cicero M. T. Dialogues. About the state. About the laws. М. : Science [Nauka], 1966 (in rus)
6. *Bayniyazov R. S.* Spiritual and Cultural Approach to Legal Awareness and Law [Duhovno-kulturologicheskij podhod k pravosoznaniyu i pravu] // New Legal Thought [Novaya pravovaya mysl']. 2003. N 1. P. 2–6. (in rus)
7. *Batiev L. V.* Political and legal doctrines of the XVII century. [Politicheskiye i pravovyye ucheniya XVII veka] SPb. : Ed. R. Aslanova "Legal Center Press" [Yuridicheskij tsentr Press], 2006. (in rus)
8. *Beck U.* Risk Society. On the way to another modernity. М. : Progress-Tradition, 2000. (in rus)
9. *Bell D.* The coming post-industrial society: The experience of social forecasting. М. : Academia, 2004. (trans. from eng.)
10. *Belov V. A.* Subject-methodological problems of civil science [Predmetno-metodologicheskiye problemy tsivilisticheskoy nauki] // Civil Law: actual problems of theory and practice [Grazhdanskoye pravo: aktual'nyye problemy teorii i praktiki] / total. ed. V. A. Belova. М. : Yurayt-Izdat, 2007. (in rus)
11. *Berger P., Luckmann T.* The Social Construction of Reality. A treatise on sociology of knowledge. М. : Medium, 1995. (trans. from eng.)
12. *Berman G. J.* Western rights tradition : the era of the formation. 2nd ed. М. (trans. from eng.)

13. Bloomfield L. Language [Yazyk]. Ed. 2nd. M. : 2002. (in rus)
14. Bogdanova E. V. On some aspects of the study of the term idiolect in Russian and Western linguistics [O nekotorykh aspektakh izucheniya termina idiolekt v otechestvennoy i zapadnoy lingvistike] // Vestnik LGU im. A. S. Pushkina. 2009. Vol. 1. N 4. P. 100–108. (in rus)
15. Bosho S. Doctrine as a form and source of law [Doktrina kak forma i istochnik prava] // Journal of Russian law. 2003. N 12. P. 70–79. (in rus)
16. Pierre Bourdieu Sociology of social space. M. : Institute of Experimental Sociology. SPb. : Aletheia, 2005. (trans. from fr.)
17. Karl Buhler Theory of language. The representational function of language. M., 2002.
18. Vasilyev A. A. Legal doctrine as a source of law: pros and cons [Pravovaya doktrina kak istochnik prava: za i protiv] // Altai Messenger of State and Municipal Service [Altayskiy vestnik gosudarstvennoy i munitsipal'noy sluzhby]. 2010. N 5. P. 43–47. (in rus)
19. Vasilyev A. A. Legal doctrine as a source of law: historical and theoretical issues. [Pravovaya doktrina kak istochnik prava: istoriko-teoreticheskiye voprosy.] [Author. diss. K. y. n]. Krasnoyarsk, 2007. (in rus)
20. Vakhshayn V. S. On the conceptualization of the community: once again on residency, or working on mistakes [K kontseptualizatsii soobshchestva: yeshche raz o rezidentnosti, ili rabota nad oshibkami] // Sociology of Power. 2013. Vol. 3. P. 8–26. (in rus)
21. Vakhshayn V. S. Curiosities and Paradoxes of Phenomenological Intervention [Kur'yezy i paradoksy fenomenologicheskoy interventsii] // Sociology of Power. 2014. N 1. P. 5–9. (in rus)
22. Vinogradov P. G. Essays on the theory of law [Ocherki po teorii prava]. M. : Type. A. A. Levenson, 1915 (in rus)
23. Wittgenstein L. The Logical and Philosophical Treatise // Wittgenstein L. Philosophical Works. P. I. M. : Gnosis, 1994. P. 1–73. (trans. from ger.)
24. Vopenko N. N. Sources and forms of law [Istochniki i formy prava]. Volgograd : Volga State University Publishing House, 2004. (in rus)
25. Second philosophical and legal readings in the memory of V. S. Nersesyants (libertarian legal project) [Vtoryye filosofsko-pravovyye chteniya pamyati V. S. Nersesyantsa (libertarno-yuridicheskii proyekt)] // Yearbook of libertarian legal theory. 2009. N 2. P. 5–39. (in rus)
26. Garcia Garrido MH Roman private law: incidents, lawsuits, institutions. M. : Statute, 2005. (trans. from spain)
27. Tomas Hobbes Basics of Philosophy // Hobbes T. Works In 2 t. V. 1. M., 1989.
28. Granate N. L. Sources of law [Istochniki prava] // Lawyer [Yurist]. 1998. N 9. P. 6–11 (in rus)
29. Grimm D. D. On the question of the concept and source of the binding legal norms [K voprosu o ponyatii i istochnike obyazatel'nosti yuridicheskikh norm] // Journal of the Ministry of Justice. [Zhurnal ministerstva yustitsii] 1896. N 6. P. 26–53. (in rus)
30. Gulyaikhin V. N. Legal mentality of Russian citizens [Pravovoy mentalitet rossiyskikh grazhdan] // NB. Law and policy issues [NB. Voprosy prava i politiki]. 2012. N 4. P. 108–113. (in rus)
31. Wilhelm Humboldt On Language: The Diversity of Human Language-Structure and its Influence on the Mental Development of Mankind // Humboldt V. Selected works on linguistics. M., 1984. P. 37–297.
32. Edmund Husserl Ideas Pertaining to a Pure Phenomenology and to a Phenomenological Philosophy. M., 2009.
33. Edmund Husserl Philosophy as rigorous science. Novocherkassk, 1994.
34. Divisenko K. S. Social studies of the vital world [Sotsial'nyye issledovaniya zhiznennogo mira] // Sociological journal. 2014. N 1. P. 6–21. (in rus)
35. Druker P. Post-Capitalist Society // New Post-Industrial Wave in the West: An Anthology / ed. V. L. Inozemtsev. M., 1999. P. 67–100. (trans. from eng.)
36. Zanin S. V. Birth of the doctrine of natural law during the epoch of Modern Period: Johannes Althusius and Hugo Grotius // History of State and Law. 2013. N 14. P. 24–27. (in rus)
37. Zelenkevich I. S. Legal doctrine and legal science: some aspects of correlation and use as sources of law. [Pravovaya doktrina i pravovaya nauka: nekotoryye aspekty sootnosheniya i ispol'zovaniya v kachestve istochnikov prava] // Northeast Scientific Journal. [Severo-Vostochnyy nauchnyy zhurnal]. 2010. N 2. P. 42–47. (in rus)
38. Ivanov Vyach. Vs. Linguistics and humanitarian problems of semiotics [Lingvistika i gumanitarnyye problemy semiotiki] // News of the USSR Academy of Sciences. Ser. literature and language [Izvestiya AN SSSR. Ser. literatura i yazyka.]. 1968. V. XXVII. Is. 3. P. 236–245. (in rus)
39. Ivanov Vyach. Vs. Odd and even: Brain asymmetry and dynamics of sign systems [Nechet i chet: Asimetriya mozga i dinamika znakovykh sistem] // Ivanov Vyach. Vs Fav. works on semiotics and cultural history [Ivanov Vyach. Vs. Izbr. trudy po semiotike i istorii kul'tury.]. V. I. M. : "Languages of Russian culture", 1999. P. 381–603. (in rus)
40. History of the Ancient East. The origin of the most ancient class societies and the first centers of slaveholding civilization. P. I. Mesopotamia [Istoriya Drevnego Vostoka. Zarozhdeniye drevneyshikh klassovykh obshchestv i pervyye ochagi rabovladel'cheskoy tsivilizatsii. CH. I. Mesopotamiya] / ed. I. M. Dyakonov. M. : Science, 1983. (in rus)
41. Kabriyak R. Codification. [Kodifikatsii]. M. : Statute, 2007. (in rus)
42. Kazimirchuk V. P. The social mechanism of the law [Sotsial'nyy mekhanizm deystviya prava] // Sov. state and law [Sov. gosudarstvo i pravo]. 1970. N 10. P. 37–44. (in rus)
43. Kasatkin A. A. The history of language and the history of law (on the material of some Romance languages) [Istoriya yazyka i istoriya prava (na materiale nekotorykh romanskikh yazykov)] // News of the Academy of Sciences of the USSR. Ser. literature and language. [Izvestiya AN SSSR. Ser. literatura i yazyka.]. 1964. V. XXIII. Is. 2. P. 113–124. (in rus)
44. Koseriu E. Synchrony, diachrony and history: the problem of language change [Sinkhroniya, diakhroniya i istoriya: problema yazykovogo izmeneniya]. Ed. 3rd. M., 2009. (in rus)

45. *Kotlyar I. A.* "Jus commune" as a medieval model of the all-European law and order (XI–XIV centuries) ["Jus commune" kak srednevekovaya model' obshcheyevropeyskogo pravoporyadka (XI–XIV veka)]. Author's abstract diss. Ph. D. M., 2011. (in rus)
46. *Kotlyar I. A.* Sovereign as an institution of European medieval jus commune [Gosudar' kak institut yevropeyskogo srednevekovogo jus commune] // *Vestnik MGU. Ser. 11. Right* [Vestnik MGU. Ser. 11. Pravo]. 2011. N 4. P. 105–113. (in rus)
47. *Kotlyar I. A.* The concept of "jus commune" in the European legal tradition [Ponyatiye "jus commune" v yevropeyskoy pravovoy traditsii] // *Vestnik MGU. Ser. 11. Right* [Vestnik MGU. Ser. 11. Pravo]. 2009. N 5. P. 89–100. (in rus)
48. *Leist O. E.* The essence of law. Problems of the theory and philosophy of law [Sushchnost' prava. Problemy teorii i filosofii prava]. M.: Zertsalo, 2002 (in rus)
49. *Lipshits E. E.* Law and court in Byzantium in the 4–7th centuries [Pravo i sud v Vizantii v IV–VII vv.]. L., 1976. (in rus)
50. *Lyubitenko D. Yu.* Legal doctrine in the system of sources of Russian law [Pravovaya doktrina v sisteme istochnikov rossiyskogo prava] // *Bulletin of the Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia* [Vestnik Volgogradskoy akademii MVD Rossii]. 2010. N 4 (10). P. 22–26. (in rus)
51. *Malinovskiy A. A.* Rome Jurisprudence: Methodology and Didactics // *Russian law: Education, Practice, Researches*. 2017. N 4 (100). P. 16–38. (in rus.)
52. *Malko A. V., Khramov D. V.* System of non-traditional sources of Russian private law [Sistema netraditsionnykh istochnikov rossiyskogo chastnogo prava] // *Leningrad legal journal* [Leningradskiy yuridicheskiy zhurnal]. 2010. N 1. P. 36–39. (in rus)
53. *Mamardashvili M. K.* Classical and non-classical ideals of rationality. [Klassicheskiy i neklassicheskiy idealy ratsional'nosti]. SPb.: Alphabet, Alphabet-Atticus, 2010. (in rus)
54. *Marey A. V.* To comprehending the reception of Roman law: the formation of jus commune in Western Europe in the XII–XIV centuries [K osmysleniyu retseptsii rimskogo prava: formirovaniye jus commune v Zapadnoy Yevrope XII–XIV vv.] // *State and law* [Gosudarstvo i pravo]. 2012. N 5. P. 96–102. (in rus)
55. *Marr N. Ya.* Language [Yazyk] // *Marr N. Ya.* Basic questions of linguistics [Osnovnyye voprosy yazykoznaniya]. M., 1935. P. 127–135. (in rus)
56. *Marchenko M. N.* The course of comparative law [Kurs sravnitel'nogo pravovedeniya]. M., 2002. (in rus)
57. *Medvedev I. P.* Legal culture of the Byzantine Empire [Pravovaya kul'tura Vizantiyskoy imperii]. SPb.: 2001. (in rus)
58. *Mikhailov A. V.* The Genesis of Continental Legal Dogma [Genezis kontinental'noy yuridicheskoy dogmatiki]. M., 2012. (in rus)
59. *Montesquieu Sh. L.* On the Spirit of Laws // *Montesquieu Sh. L.* Fav. manif. M., 1955. P. 155–655. (trans. from fr.)
60. *Mordovtsev A. Yu.* Features of legal thinking in modern Russia: the formation of a new discourse [Osobennosti pravoponimaniya v sovremennoy Rossii: formirovaniye novogo diskursa] // *Philosophy of Law* [Filosofiya prava]. 2011. N 3. P. 13–17. (in rus)
61. *Maine G. S.* Ancient law: its connection with the history of society and its relation to the latest ideas [Drevneye pravo: yego svyaz' s istoriyey obshchestva i yego otnosheniye k noveyshim ideyam]. Ed. 2nd. M., 2011. (trans. from eng.)
62. *Neshataeva T. N.* On the question of sources of law — judicial precedent and doctrine [K voprosu ob istochnikakh prava — sudebnom pretsedente i doktrine] // *Bulletin of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation*. [Vestnik VAS RF] 2003. N 5. P. 91–97. (in rus)
63. *Novikova G. R.* Religious and legal doctrine of Islam in the context of the legal regulation of the financial relations of modern states [Religiozno-pravovaya doktrina islama v kontekste pravovoy reglamentatsii finansovykh otnosheniy sovremennykh gosudarstv] // *Courier of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)*. 2016. N 3. P. 165–175. (in rus)
64. *Novitsky I. B.* Foundations of Roman civil law [Osnovy rimskogo grazhdanskogo prava]. M., 2015. (in rus)
65. *Patkul A. B.* The concept of a region in the phenomenology of E. Husserl and M. Heidegger [Ponyatiye regiona v fenomenologii E. Gusserlya i M. Khaydeggera] // *Logos. Philosophical and literary magazine* [Logos. Filosofsko-literaturnyy zhurnal]. 2010. N 5 (78). P. 77–88. (in rus)
66. *Peretersky I. S.* Digesta Justiniana. Essays on the history of compilation and general characteristics [Digesty Yustiniana. Ocherki po istorii sostavleniya i obshchaya kharakteristika]. M., 1956. (in rus)
67. *Pokrovsky I. A.* Basic problems of civil law [Osnovnyye problemy grazhdanskogo prava]. M., 1998. (in rus)
68. *Poldnikov D. Yu.* Stages of development of the jus commune scientific doctrine in Western Europe in the XII–XIV centuries [Etapy razvitiya nauchnoy doktriny jus commune v Zapadnoy Yevrope v XII–XIV vv.] // *Bulletin of Moscow State University. Ser. 11. Right* [Vestnik MGU. Ser. 11. Pravo]. 2013. N 1. P. 87–108 (in rus)
69. *Poldnikov D. Yu.* Stages of the formation of a civil communist contractual theory of jus commune [Etapy formirovaniya tsivilisticheskoy dogovornoj teorii jus commune] // *State and Law*. 2012. N 6. P. 106–115. (in rus)
70. *Polyakov A. V.* Communicative legal thinking: Selected Works [Kommunikativnoye pravoponimaniye: Izbr. trudy]. SPb.: Publishing House Alef-press, 2014. (in rus)
71. *Polyakov A. V.* Postclasic Jurisprudence and the Idea of Communication [Postklasicheskoye pravovedeniye i ideya kommunikatsii] // *News of Higher Educational Institutions. Jurisprudence* [Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Pravovedeniye]. 2006. N 2 (265). P. 26–43. (in rus)
72. *Popper K.* Knowledge and psychophysical problem: In defense of interaction. M.: Izd. LCI, 2008. (trans. from eng)
73. *Chestnov I. L.* Postclassical ontology of law: Monograph [Postklassicheskaya ontologiya prava: Monografiya]/ ed. I. L. Chestnov. SPb.: Aletheia, 2016. (in rus)

74. Problems of functional grammar: Categorization of semantics [Problemy funktsional'noy grammatiki: Kategorizatsiya semantiki] / resp. ed. A. V. Bondarko, S. A. Shubik. SPb., 2008.
75. *Proskurin S. G.* The evolution of law in the light of semiotics [Evolutsiya prava v svete semiotiki] // Bulletin of the NSU. Ser.: Linguistics and intercultural communication [Vestnik NGU. Ser.: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya]. 2008. V. 6. N 1. P. 48–53. (in rus)
76. *Puzikov R. V.* The Essence of Legal Doctrine as a Source of Law [Sushchnost' yuridicheskoy doktriny kak istochnika prava] // Legal Policy and Legal Life [Pravovaya politika i pravovaya zhizn']. 2003. N 4. P. 133–138. (in rus)
77. *Razuvaev N. V.* Right: a social constructivist approach [Pravo: sotsial'no-konstruktivistskiy podkhod] // News of higher educational institutions. Jurisprudence [Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Pravovedeniye]. 2015. N 5 (322). P. 48–98. (in rus)
78. *Razuvaev N. V.* The development of personal identity as a driving force for the evolution of the states of the Ancient World and the Middle Ages [Razvitiye lichnostnogo samosoznaniya kak dvizhushchaya sila evolyutsii gosudarstv Drevnego mira i Srednikh vekov] // One Hundred Years to the Ural State Law Institute (1918–2018): in 2 volumes. V. 1: The Evolution of the Russian and Foreign States and rights: historical and legal research [Sto let Ural'skomu gosudarstvennomu yuridicheskemu institutu (1918–2018 gg.): v 2 v. V. 1: Evolyutsiya rossiyskogo i zarubezhnogo gosudarstva i prava: istoriko-yuridicheskiye issledovaniya] / ed. A. S. Smykalina. Ekaterinburg, 2019. P. 134–150. (in rus)
79. *Razuvaev N. V.* The modern theory of law in search of the postclassical paradigm of knowledge [Sovremennaya teoriya prava v poiskakh postklassicheskoy paradigmy poznaniya] // News of higher educational institutions. Jurisprudence [Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Pravovedeniye]. 2014. N 5 (316). P. 136–153. (in rus)
80. *Razumovich N. N.* Sources and form of law [Istochniki i forma prava] // Sov. state and law [Sov. gosudarstvo i pravo]. 1988. N 3. P. 20–27. (in rus)
81. *Rayanov F. M.* The Muslim legal doctrine and its modern dimension [Musul'mansko-pravovaya doktrina i yeye sovremennoye izmereniye] // The Problems of Oriental Studies. 2013. N 2 (60). P. 7–14. (in rus)
82. *Rozhnov A. P.* Unconventional sources of law in the legal system [Netraditsionnyye istochniki prava v pravovoy sisteme] // Bulletin of Volgograd State University [Vestnik VolGU]. 2001. Ser. 5. Is. 4. P. 27–34. (in rus)
83. *Romashov R. A.* Legal doctrine in the Anglo-American, Muslim and Russian law: the problem of understanding and forms of expression [Pravovaya doktrina v anglo-amerikanskom, musul'manskom i rossiyskom prave: problema ponimaniya i formy vyrazheniya] // Problems of the methodology and philosophy of law. Collection of articles of participants of the II International Round Table [Problemy metodologii i filosofii prava. Sbornik statey uchastnikov II Mezhdunarodnogo kruglogo stola] / ed. S. N. Kasatkina. Samara, 2015. P. 30–38. (in rus)
84. *Saveliev V. A.* Legal technique of the Roman jurisprudence of the classical period [Yuridicheskaya tekhnika rimskoy yurisprudentsii klassicheskogo perioda] // Journal of Russian Law [Zhurnal rossiyskogo prava]. 2008. N 12. P. 108–115. (in rus)
85. *Stepin V. S.* Classics, neklassika, postneklassika: criteria for distinguishing [Klassika, neklassika, postneklassika: kriterii razlicheniya] // Postneklassika: philosophy, science, culture [Postneklassika: filosofiya, nauka, kul'tura] / ed. L. P. Kiyaschenko, V. S. Stepin. SPb., 2009. P. 249–295. (in rus)
86. *Stepin V. S.* Self-developing systems and post-non-classical rationality [Samorazvivayushchiyesya sistemy i postneklassicheskaya ratsional'nost'] // Questions of Philosophy [Voprosy filosofii]. 2003. N 8. P. 5–18. (in rus)
87. *Stovba A. V.* Legal situation as the source of being law. [Pravovaya situatsiya kak istok bytiya prava]. Kharkov, 2006. (in rus)
88. *Syrykh V. M.* Materialistic theory of law: Favorites [Materialisticheskaya teoriya prava: Izbrannoye]. M., 2011. (in rus)
89. *Tikhomirov Yu. A.* Legal system of a developed socialist society [Pravovaya sistema razvitogo sotsialisticheskogo obshchestva] // Sov. state and law [Sov. gosudarstvo i pravo]. 1979. N 7. P. 33–38. (in rus)
90. *Fedorov A. N.* Fragmentation or interaction: on the particularism of the law of medieval Western Europe [Razdroblennost' ili vzaimodeystviye: o partikulyarizme prava srednevekovoy Zapadnoy Yevropy] // Bulletin of Chelyabinsk State University [Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta]. 2015. N 23 (378). Ser. Right. Is. 44. P. 18–23. (in rus)
91. *Khvostov V. M.* The general theory of law. Elementary essay [Obshchaya teoriya prava. Elementarnyy ocherk]. M., 1914. (in rus)
92. *Zweigert K., Kötz H.* Comparative private law. V. 1–2 [Sravnitel'noye chastnoye pravo]. M., 2011.
93. *Chestnov I. L.* Postclassical theory of law [Postklassicheskaya teoriya prava]. SPb., 2012. (in rus)
94. *Chestnov I. L.* Legal communication in the context of post-classical epistemology [Pravovaya kommunikatsiya v kontekste postklassicheskoy epistemologii] // News of higher educational institutions. Jurisprudence [Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Pravovedeniye]. 2014. N 5 (316). P. 31–41. (in rus)
95. *Chicherin B. N.* Political thinkers of the Ancient and New World [Politicheskiye mysliteli Drevnego i Novogo mira]. SPb., 1999. (in rus)
96. *Shapp J.* System of German civil law [Sistema germanskogo grazhdanskogo prava]. M., 2006. (trans. from ger.)
97. *Schütz A.* Selected: A World that Glows with Meaning [Izbrannoye: Mir, svetyashchiysya smyslom]. M., 2004. (trans. from ger. and eng.)
98. *Yavich L. S.* General Theory of Law [Obshchaya teoriya prava]. L., 1976. (in rus)
99. *Hocart A. M.* Kings and Councillors. Cairo : Egyptian University Press, 1936.
100. *Popper K.* Evolutionary Epistemology // Evolutionary Theory: Paths into the Future / Ed. by J. W. Pollard. New York : John Wiley&Sons, 1984. P. 239–255.
101. *Purves D.* Neuroscience. 5th ed. Sunderland (Mass.) : Sinauer, 2011.
102. *Tebbit M.* Philosophy of Law: An Introduction. London; New York : Routledge&Kegan Paul, 2005.